

В.А.КОЛОСОВ, М.В.ЗОТОВА*

ФРАГМЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ДИНАМИЗМ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ГРАНИЦ¹

Аннотация. В свете современных подходов в пограничных исследованиях рассматриваются формы, политические и иные факторы динамизма пространственных границ. Один из парадоксов границ заключается в их инерционности и одновременно высокой и усиливающейся динамичности. Ее отражением стала концепция непрерывности процесса разграничения (*bordering*), т.е. постоянного изменения функций и режима границ, их значения для общественного мнения под влиянием политических институтов, практики трансграничных взаимодействий и международной политической и экономической обстановки. Динамичность системы границ определяется постоянным увеличением их числа и протяженности, что отражает фрагментацию мирового политического пространства на всех уровнях, а также растущее разнообразие типов современных политий и различий между ними. В частности, умножается число малых государств и, соответственно, число диал (пар) государственных границ. Узость ниши, которую малые страны вынуждены занимать в международном разделении труда, как правило, требует высокой открытости границ и делегирования части суверенитета другим политическим акторам. Большие различия между политиями, разное соотношение видов

* Колосов Владимир Александрович, доктор географических наук, профессор, заместитель директора, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Москва, Россия), e-mail: kolosov@igras.ru; Зотова Мария Владимировна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории геополитических исследований, Институт географии РАН (Москва, Россия), e-mail: zotova@igras.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ «Эффекты и функции границ в пространственной организации российского общества: страна, регион, муниципалитет» (№ 22-17-00263). Анализ роли границ как инструмента выполнен в рамках ГЗ ИГ РАН №АААА–А19–119022190170–1 (FMGE–2019–0008).

© Колосов В.А., Зотова М.В., 2022

DOI: 10.31249/poln/2022.04.03

и уровня суверенитета предопределяет разнообразие и изменчивость функциональных типов границ. Многоуровневые процессы интеграции и регионализации ведут к активному перераспределению функций между государственными и иными границами. Проблемы границ неотделимы от все более динамичной эволюции территориальных идентичностей, в том числе под воздействием международной миграции. Наконец, динамичность границ связана с использованием их в качестве инструмента управления социальными и политическими процессами. Конфигурация, функции и режим границ, асимметрия трансграничных потоков – одновременно и зеркало, и фактор мощи сопредельных государств и регионов.

Ключевые слова: границы; динамизм; фрагментация; функции границ; пространство.

Для цитирования: Колосов В.А., Зотова М.В. Фрагментация политического пространства и динамизм современной системы границ // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 67–89. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.03>

Введение

Границы – традиционный объект географии, однако в последние десятилетия их изучение стало широкой междисциплинарной областью исследований, в которую помимо географов вовлечены политологи, специалисты по международным отношениям, экономисты, социологи, этнографы, филологи и искусствоведы. Пограничные исследования (*border studies*) быстро развиваются, поскольку возрастает их политическая и общественная значимость. Множество литературных произведений, фильмов, спектаклей посвящено приграничным сообществам или роли границ в жизни человека. Например, как особое направление сложилась архитектура пограничных сооружений, обладающая сильной символикой [Scott, 2020 a].

Разного рода границы – неотъемлемый элемент человеческого бытия и сознания: классификационные границы необходимы в познании при формулировании любых понятий и для различения сходных процессов и явлений, временные – для различения периодов и событий. Пространственные (географические) границы имеют множество функций, без которых невозможна жизнь современного общества. Существует множество их классификаций по разным основаниям. Морфологически границы могут быть локализованы как линии или переходные полосы, в чем выражается их двоякая размерность. Причиной этого является, во-первых, понимание граничной полосы как ареала с собственными границами,

во-вторых, теоретическая возможность существования зон, в которых переходные участки не уступают по ширине «чистым» [Bali-bar, 2002], в-третьих, возможность существования «зон-спектров», где каждая зона – переходная между соседними [Родоман, 1982]. Один из многочисленных парадоксов границ – сочетание их дискретности и континуальности: дискретность предполагает границы существующими и по своей сути служит разделению явлений, а континуальность отрицает объективное существование границ и представляет собой источник самой проблемы их определения. Современными исследованиями показано, что основные функции географических границ сходны (изоморфны), и что административно-политические и государственные границы составляют единую систему [Елацков, 2016].

Изучение границ – это не только исследовательское поле, но и подход к анализу многих проблем: «границы – это все!». Действительно, граница – это и правовой институт, и материальный феномен, и категория общественного сознания (элемент идентичности). Изучая границу, исследователь не должен упустить из виду ни ее правовой статус, ни общественный дискурс о внешней политике, в том числе об отношениях с соседней страной, ни интересы негосударственных игроков, ни трансграничные потоки (а следовательно, конфигурацию и качество коммуникаций), ни влияние границы на прилегающее пространство, ни отношение жителей приграничья к соседям, ни многие другие факторы. Равным образом фактор границы может быть призмой изучения других проблем.

Географические границы – важный инструмент регулирования жизни общества на разных пространственных уровнях: от сугубо локального (пример – границы закрытых сообществ) до межгосударственного, – и этот инструмент постоянно совершенствуется в соответствии с вызовами общественной практики. Одно из главных свойств всех видов современных границ – высокий динамизм, отражающий ускорение трансформации общества и проявляющийся в смене начертания, возникновении новых типов и «промежуточных» уровней и особенно частом, иногда практически каждодневном, изменении функций и режима. Цель настоящей статьи – проанализировать формы, политические и иные факторы динамизма пространственных границ.

Функции и растущий динамизм системы границ

Общие функции любых географических границ – *контактная* и *барьерная*. Барьерность границы означает расход времени, средств, энергии для ее пересечения гражданами или потоками товаров, вызванный градиентом в свойствах экономического, социального, культурного и правового пространства по обе стороны. Редкие случаи почти абсолютной барьерности границы и отсутствия трансграничных взаимодействий – рубежи, сложившиеся как линии прекращения огня в вооруженных конфликтах. Закрытые границы трансформируются в буферные зоны, вдоль которых строятся цепочки укреплений (линии Мажино и Маннергейма, границы между Республикой Корея и КНДР, Нагорным Карабахом и Азербайджаном до войны осени 2020 г. и др.). К идее «огораживания» государственной территории человечество вернулось в начале XXI в. на новом витке истории. Одна из главных тенденций изменения границ – возведение вдоль государственных границ физических барьеров: бетонных стен, эшелонированных заграждений из колючей проволоки, рвов, минных полей. К настоящему времени стены построены уже более чем на 50 диадах границ, строительство многих запланировано [Bissonnette, Vallet, 2021].

Вместе с тем практически любая граница связывает территорию с соседями и окружающим миром. Ни одна территория не может быть полностью изолирована и, следовательно, у любых границ есть контактные функции.

В общественной сфере к двум главным функциям добавляются их разные проявления: 1) *отражение* – воспроизводство в особенностях границ политического строя, государственного устройства, экономического, социального и культурного уровня территории; 2) *отделение* – поддержание и закрепление территориальных различий и разнообразия; 3) *сопоставление* – поддержание элементов конкуренции между территориями (например, различий в издержках и преимуществах производства тех или иных товаров).

Иной подход к определению функций границ подразумевает выделение двух других главных функций: формирующей и регулирующей. Формирующая функция – элемент образования любой политики или территории, вызванного двумя главными взаимосвязанными причинами: необходимостью обеспечения безопасности

ее жителей от внешних угроз и сохранения или укрепления их идентичности.

Один из видов формирующей функции – когнитивная, проявляющаяся в институте гражданства, решении задачи отделения «нас» от «чужих» путем социализации граждан, создания культурного и символического ландшафта, исторических мифов и нарративов, воспитания их отношения к окружающему миру, в том числе соседям, их представления о миссии своего государства, его внутренних и внешних задачах, доверия правящему режиму, осознания необходимости перераспределения им части доходов и уплаты налогов и т.п. Когнитивная функция границ представляет собой также органический элемент познания и ориентации во внешнем мире.

Регулирующая функция заключается в обеспечении необходимого в данный момент для нужд безопасности политики баланса между контактной и барьерной функциями границы, взаимодействия с окружающими территориями, а также предотвращения «энтропии» ее ресурсов. Нынешние проблемы государственных границ заключаются не в конкретном их начертании (делимитации), а именно в регулировании потоков [Amilhat-Szari, Girault, 2015].

Парадокс границ – в их инерционности и одновременно высокой и усиливающейся динамичности. С одной стороны, политико-административные границы почти никогда «никуда не исчезают». Старые (*реликтовые*) границы обнаруживаются в современном культурном ландшафте, идентичности и электоральном поведении граждан. Один из видов реликтовых границ – фантомные, т.е. бывшие государственные границы, остающиеся политическими и культурными барьерами, проявляющиеся в современной экономической, социальной и политической деятельности и используемые для политической мобилизации граждан [Колосов, 2017]. Часто бывшие государственные границы служат административными и, наоборот, административные границы преобразуются в государственные. Основная причина устойчивости разграничительных линий в том, что рубежи между территориальными идентичностями служат основой делимитации государственных границ, в чем состоит принцип национального государства (nation-state): национализм – самая мощная территориальная идеология [Paasi, 2012]. В то же время даже сравнительно кратковременное существование государственных границ служит сильным фактором формирования

идентичности. Иными словами, вопрос о том, что первично – идентичность или границы, не имеет однозначного ответа.

С другой стороны, в современном взаимозависимом мире фильтрующая функция границ, т.е. их «прозрачность» для разных категорий граждан, товаров и информации, включая, к примеру, необходимость и сложность получения визы, размер таможенных пошлин, квот, технические требования к товарам, различия в ценах и т.п., каждодневно меняется в зависимости от курсов валют и многообразных политических факторов. Отражением высокой динамичности границ стала концепция непрерывности процесса разграничения (*bordering*), т.е. постоянного изменения функций режима границ и их значения для общественного мнения под влиянием деятельности политических институтов, практики трансграничных взаимодействий и международной политической и экономической обстановки [Agnew, 2009; Newman, 2011; Kolosov, Scott, 2013; Scott, 2020 b; 2020 c].

Фрагментация мирового политического пространства: границ все больше

Динамичность мировой системы границ объясняется не только остротой территориальных конфликтов, сохранением территориальных споров и претензий, но и ростом протяженности всякого рода территориальных рубежей, в том числе и государственных. Во-первых, умножается число политий. Фрагментация мирового политического пространства за счет формирования новых государств – одна из главных и неуклонных тенденций изменения политической карты мира, преобладающая над интеграционными трендами, но одновременно и сочетающаяся с ними. Число суверенных государств увеличилось с 73 в 1945 г. почти до 200 в 2010-х годах, государств – членов ООН, соответственно, с 46 до 193. Дробление политической карты мира происходило как в ходе процесса деколонизации, так и в результате образования новых независимых государств и распада существовавших ранее. По состоянию на середину 2010-х годов общая протяженность границ 197 государств и 70 зависимых территорий составляла примерно 250 тыс. км.

Во-вторых, ряд государств претендуют на раздел «общего достояния человечества» – приполярных областей, включая Антарктиду, и глубоководных акваторий Мирового океана.

В-третьих, остаются неурегулированными претензии некоторых стран на передел территориальных вод и экономических зон, для чего искусственно создаются намывные острова, меняется береговая линия и т.п. Из 725 диад (пар) границ около 400 – морские, а из них только около половины официально делимитированы [Российское пограничье ... , 2018].

Усложняется вся мировая система границ. Динамика политической карты мира обычно определяется по числу государств – членов ООН. Однако вступление страны в ООН не равнозначно всеобщему ее признанию, поэтому число государств оценивается в разных странах по-разному, в зависимости от отношения к конфликтам и других политических факторов. При этом разнообразие политической карты мира далеко не исчерпывается государствами – членами ООН. До настоящего времени сохранилось около 50 колониальных и зависимых стран, находящихся под управлением Франции, Великобритании, Нидерландов, США, Новой Зеландии и некоторых других государств. Крупнейшая из несамостоятельных стран по площади – принадлежащая Дании Гренландия (2,17 млн км²), а по населению – владение США Пуэрто-Рико (3,4 млн человек). Самая маленькая колониальная страна – британский Питкэрн с населением всего около 50 человек [Колосов, Заяц, 2020]. Статус государственного образования, естественно, прямо сказывается на функциях его границ.

Более того, совершенно очевидны чрезвычайно значимые, исчисляемые порядками различия между государствами по географическому положению (наличию доступа к морю, числу соседей и другим параметрам), территории, численности населения, экономической и военной мощи, политическому и культурному влиянию, государственному устройству и т.д. Их равноправие, связанное с признанием суверенитета над своей территорией и возможностью взаимодействовать с другими государствами, носит сугубо формальный характер [Ильин, 2008; Трейвиш, 2009; Мамедов, 2011]. Поэтому, разумеется, функции, режим, а нередко и само начертание границы определяются соотношением совокупной мощи и характером соседства. Хрестоматийный пример – Мексика, которую США лишили более трети былой территории, и американо-мексиканская

граница. Другой пример – Лесото, полностью окруженное территорией гораздо более крупной и экономически мощной ЮАР, в которой к тому же долгое время господствовал режим апартеида [Российское пограничье ... , 2018]. В подобных случаях впечатляющие различия в потенциале соседних стран определяют крайнюю асимметрию взаимодействий.

Фрагментация политической карты мира приводит к умножению числа малых государств и умножению числа диад (пар) государственных границ. Ограниченность демографического и экономического потенциала малых стран влияет на их место в международном разделении труда и системе международных отношений, на отношения с соседями и, соответственно, функции границ и другие особенности. Категорию малых стран, как правило, выделяют по абсолютным показателям. К таким странам известный американский экономист С. Кузнец предложил относить политики с численностью населения менее 10 млн человек, другие ученые – менее 5 млн или даже менее 1 млн [Ильин, 2008], что нам кажется более правильным. Малые государства многочисленны и чрезвычайно разнообразны. Среди них и островные страны (их около 50), и развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки, и высокоразвитые европейские страны, опыт которых свидетельствует о том, что небольшое население – отнюдь не препятствие для жизнеспособности государства и успешного развития экономики. Общие свойства малых стран: невозможность обеспечить себя сколько-нибудь полным спектром потребительских товаров и высокая вовлеченность во внешние экономические связи, поиск и использование особой «ниши» в международном разделении труда – узкой специализации на производстве какого-либо товара, находящего устойчивый спрос на мировом рынке, или оказании уникальных услуг [Фетисов, Тикунов, 1996; Окунев, 2011].

Следовательно, малые страны жизненно заинтересованы в открытых границах, политической стабильности, вследствие чего многие из таких стран пользуются высоким доверием международного сообщества, что в свою очередь становится привлекательным фактором для размещения определенных сфер деятельности. Узость внутреннего рынка и необходимость обеспечения безопасности побуждают малые страны к тесной (а в случае микродо- государств, как, например, Монако или Сан-Марино – тесной безальтернативной) интеграции с более крупными партнерами, в других

случаях – формируют способность к политическому маневрированию: сближению или дистанцированию от влиятельных политических игроков. Поэтому для границ малых стран характерны процессы дебордеринга и ребордеринга – передачи определенных функций границам других стран и интеграционных группировок, ситуативное наложение границ разнородных политических образований, созданных для достижения разных целей.

Государственный суверенитет, динамизм и разнообразие границ

Вариативность и динамизм географических ситуаций, связанных с характером соседства, усиливается еще большим разнообразием степени и видов государственного суверенитета. Согласно современным взглядам, суверенитет делим и измеряем. Вслед за американским политологом С. Краснером [Krasner, 2009] обычно выделяют внутренний суверенитет, выражающийся в легитимности властей в представлении граждан, праве и способности государственных структур эффективно контролировать территорию, влиять на социально-экономическую обстановку в стране и внутриполитическую стабильность, и суверенитет внешний, т.е. готовность других государств это право признавать. С. Краснер различал также суверенитет взаимозависимости, под которым он понимал способность государств контролировать свои границы, и суверенитет «вестфальский», т.е. монополию государства как источника власти в пределах своих границ.

Разное соотношение видов и уровня суверенитета предопределяет огромное разнообразие и изменения функциональных типов границ. При этом целостность сложно структурированной мировой системы границ предполагает, что особенно существенны не столько свойства и функции ее отдельных элементов, сколько их сочетания и возникающие между ними отношения. Подобные взаимодействия способны детерминировать функционирование всей системы, вызывая непредвиденные последствия и нежелательные эффекты. Любая граница усиливает различия между соседними территориями и неизбежно порождает асимметричность взаимодействий. «Разность потенциалов» между соседними территориями отражается в количественной и качественной неравно-

ценности противоположных трансграничных потоков, режиме границы и выгодах, главным бенефициаром которых предстает более сильная сторона.

Соотношение между видами суверенитета образует «континуум государственности». Большинство непризнанных государств располагает прочным внутренним суверенитетом, который им не удается конвертировать во внешний суверенитет, достаточный для признания значимым числом других государств. Д.В. Заяц насчитал в мире 13 непризнанных государств [Заяц, 2020]. А. Флоря полагал, что в 2014 г. их насчитывалось 18 [Florea, 2014], Н. Касперсен и Г. Стенсфилд – 21 [Dembinska, Campana, 2017]. В других случаях, наоборот, государства, обладающие высоким внешним суверенитетом, в том числе и широким международным признанием, не способны в течение многих лет или даже десятилетий полностью контролировать свою территорию, не пользуются доверием и легитимностью значительной части граждан, не могут обеспечить их минимальным набором общественных услуг, создать условия для экономического развития и роста доходов населения. Они появляются преимущественно в странах, относящихся к категории «несостоявшихся» (*failed*) или «рухнувших» государств (*collapsed states*). Часть территории «несостоявшихся» государств фактически перешла под спорадический или постоянный контроль племенных вождей, наркобаронов, лидеров повстанческих группировок. Границы таких территорий образуют особый тип: они чрезвычайно размыты и перемещаются в зависимости от успехов вооруженных действий сторон, их социальной опоры и форм контроля (временного, постоянного, сезонного). Нередки ситуации сетевого контроля, когда города контролируются центральными властями, а сельская местность – повстанцами.

Контроль над приграничной периферией ослаблен во многих африканских странах, в которых формально нет значимых повстанческих группировок. В этом сказывается наследие колониальной эпохи со свойственными ей резкими контрастами между форпостами метрополий, обычно расположенных на побережье, и остальной частью владений. Приграничные территории предоставлены сами себе, государство на них не оказывает почти никаких общественных услуг. Этническая идентичность там может быть ситуативно прочнее государственной. Чувство обделенности вызывает недоверие государственным пограничным службам, и

приграничные взаимодействия осуществляются фактически без их участия, что создает условия для массовых перемещений наиболее мобильной части местного населения, трудовых мигрантов, боевиков, беженцев, контрабандистов и наркоторговцев и, в свою очередь, может порождать этнически окрашенные конфликты и насилие. За контроль над трансграничными взаимодействиями и пограничную ренту конкурируют разные акторы – от местных властей до криминальных организаций, различия между которыми иногда трудноразличимы. За пределами своей страны находят убежище представители оппозиционных организаций [Силаева, Большаков, 2012]. Динамично развиваются трансграничные сети и сообщества, тем более что по обе стороны часто проживают те же этнические группы или же близкие им по родству.

Усложнение и умножение числа границ определяется также сочетанием многоуровневых процессов интеграции и регионализации. Диалектическое соотношение между интеграцией и регионализацией глубоко анализируется Дж. Розенау [Rosenau, 2002], автором концепции «фрагмерации» (*fragmeration*). Соотношение между интеграцией и регионализацией призвана объяснить концепция де- и ретерриториализации, принадлежащая таким известным ученым, как А. Аппадурай, Э. Гидденс, и их последователям [Elden, 2007 и др.] и означающая перераспределение властных полномочий между политиями и территориями под влиянием культурных и политических изменений. Соответственно, происходит перераспределение функций границ между государственными и иными. Для определения рубежей «неформальных», т.е. не закреплённых политическими и юридическими актами регионов, используются функциональный (анализ потоков) и институциональный (изучение «связности» политических и экономических акторов) подходы. Возможен также и геополитический подход, нацеленный на изучение состава регионов и конфигурации их динамичных рубежей, зависящих от интересов партнеров и соотношения их политических и экономических потенциалов. Процессы регионализации могут носить «объективный» характер, т.е. складываться из взаимодействий многих акторов, или могут быть инициированы и политическими решениями, для которых подыскиваются в том числе и географические основания – в виде, например, культурной и исторической близости соседних стран.

Волатильность территориальных идентичностей и границ

Известный французский географ Мишель Фуше назвал границу «фабрикой идентичностей». В современных условиях проблемы границ неотделимы от обеспечения национальной безопасности и регулирования международной миграции и, стало быть, находятся в центре внимания большинства государств. В мире насчитывается около 300 млн людей, живущих за пределами страны, в которой они родились. Несмотря на сложную геополитическую обстановку, число международных мигрантов, по оценке экспертов МВФ, будет несомненно возрастать в силу сохранения масштабных различий в доходах на душу населения между странами и регионами¹. Несмотря на выгоды, получаемые принимающими странами от международной миграции, приток мигрантов из-за рубежа, как правило, воспринимается общественным мнением как жизненно важная угроза национальной идентичности и тем самым – национальной безопасности.

Функции границ в регулировании миграции сильно изменились. Во-первых, развитые принимающие государства стремятся вынести контроль над миграционным потоком далеко за пределы своей территории (в основном в государства исхода) или делегировать их специальным международным институтам и частным компаниям.

Во-вторых, получила большое развитие и практическое применение концепция мобильных границ [Amilhat Szary, Namez, 2020]. Прогресс информационных технологий позволил идентифицировать личность на основе физического облика (радужной оболочки, формы лица и т.д.), без традиционных документов доцифровой эры. В результате камеры слежения могут опознавать человека на всей территории страны, в результате чего вся она становится своего рода пограничной зоной. Эта система позволяет дифференцировать и жестко дозировать права индивида, в том числе на перемещение.

¹ Макдональд М., Пьяцца Р., Шер Г., Энглер Ф. Миграция в страны с развитой экономикой может повысить темпы экономического роста 2020 // Международный валютный фонд. – 19 июня. – Режим доступа: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/06/19/blog-weo-chapter4-migration-to-advanced-economies-can-raise-growth> (дата посещения: 29.05.2022).

Тем не менее линия границы не утратила роли важнейшего инструмента контроля миграции. Три четверти физических барьеров вдоль государственных границ были сооружены именно во имя предотвращения незаконной миграции [Amilhat Szary, 2020]. Государственные рубежи и сама конфигурация государственной территории как часть ее образа приобрели критическое, сакральное значение в разграничении «нас» и «чужих», воспроизводстве, укреплении и трансформации представлений граждан об окружающем их мире, их эмоциональной самоидентификации с различными социальными пространствами в таких категориях, как «восток – запад» или «цивилизация – хаос».

Миграция ускорила характерные для современного общества процессы усложнения структуры, ситуативности и изменчивости самоидентификации, усиления региональных идентичностей и распада социума на малые группы, ведущие к фрагментации социального и политического пространства на субгосударственном уровне. Эти процессы проявляются, в частности, в самоогораживании закрытых сообществ, возникновении гетто и формировании новых неформальных рубежей. В Европе, пожалуй, наиболее яркое проявление фрагментации пространства – умножение и рост влияния региональных партий, представленных в национальном парламенте и собирающих более 5% голосов в районах, охватывающих около 40% площади 43 европейских стран. Эти общественные объединения представляют интересы этнорегиональных общностей в местном самоуправлении и опираются на определенную идентичность. Цель региональных партий – достижение большей автономии или децентрализации государственных функций, а иногда и вовсе полной независимости [Туров, 2021], следовательно, – изменение функций внутренних административных границ.

В когнитивную функцию границ существенный вклад вносит символический ландшафт пограничья. На постсоветском пространстве ему свойственна особая динамичность. Характерен пример российско-украинского пограничья. Еще до конфликта 2014 г. на украинской стороне были снесены многочисленные памятники Ленину, и в то же время были возведены монументы, воплощающие резкие расхождения между украинской и традиционной советской и российской интерпретациями общей истории: памятники Мазепе и жертвам Голодомора. На российской стороне памятники

Ленину были сохранены, символический ландшафт был обогащен новыми монументами, увековечивающими память о событиях и героях Великой Отечественной войны [Российское пограничье ... , 2018]. После кризиса 2014 г. различия усилились, в том числе вследствие «декоммунизации» и «национализации» топонимии, запечатлевшей в географических названиях нынешнюю интерпретацию истории. Сходный процесс происходил и на казахстанской стороне пограничья между Россией и Казахстаном, где были в соответствии с законом (статья 25.5 Закона «О языках в Республике Казахстан») изменены «идеологически устаревшие» наименования, отражающие дореволюционное «колониальное» российское и советское прошлое [Справочник ... , 2009]. Многие названия были транслитерированы в соответствии с нормами казахского языка [Карпенко, Колосов, Себенцов, 2021].

Граница как инструмент

Динамичность современной системы границ связана также с их широким использованием государством и действующими через государственные механизмы политическими силами для достижения их интересов. Делимитация и манипулирование режимом и функциями границ – мощный инструмент управления социальными и политическими процессами, регулирования противоречий и конфликтов, маркирования и сохранения различий, исторической преемственности. Эти факторы определяют множасьщееся разнообразие границ, в том числе рубежей так называемых специальных округов, к которым относятся территории, создаваемые государственными или местными властями для управления и регулирования определенных видов деятельности, например военные, школьные, железнодорожные и т.д.

Особенно ярко проявилась инструментальная роль и подвижность границ в период пандемии COVID-19, фактически перестроившей сложившиеся трансграничные практики. Официальной целью было разделение территорий с разным уровнем заболеваемости, но в реальности были «огорожены» территории с различным уровнем урбанизации, разной возрастной структурой, доходами, подвижностью, культурными особенностями и образом жизни населения. Многие города и целые области были почти на-

глухо изолированы от окружающего мира. Беспрецедентные карантинные меры, связанные с ограничением мобильности граждан с помощью современных технологий, вызвали опасения их применения и в дальнейшем для слежки за политическими противниками и контроля за поведением людей. Известный итальянский философ, автор концепции «биополитики» Джорджо Агамбен писал, что поскольку враг (вирус) внутри нас, борьба с ним неизбежно стимулирует рост авторитарных тенденций в политической жизни¹. Одним из признаков усиления этих тенденций можно считать принятие в разных странах жестких мер без формального введения чрезвычайного положения, требующего одобрения парламента. Характерно, что жители одновременно и демократических, и авторитарных государств были готовы принять меры социального контроля и ограничение личных свобод ради безопасности [Ливен, 2020].

Избирательное изменение режима государственных границ часто применяется властями для стимулирования развития периферийных приграничных регионов и / или вовлечения их в орбиту своего влияния. Так, в 2000–2010-х годах, в период действия программ приграничного сотрудничества и активизации трансграничных связей, на российско-польской границе был введен режим местного приграничного передвижения (МПП), который позволял гражданам соседних регионов двух стран пересекать границу без оформления виз по карточкам МПП. За время действия соглашения заметно вырос уровень развития Варминьско-Мазурского воеводства – самого депрессивного региона Польши. Благодаря притоку калининградских туристов выросло потребление в регионе, уровень безработицы снизился с 21,3% в 2012 г. до 14,2% в 2016 г., в 1,4 раза увеличились инвестиции [Гуменюк, Кузнецова, Осмоловская, 2016].

Для венгерских властей такой режим стал важным механизмом влияния на соотечественников в Закарпатской области Украины, их использования как электорального ресурса и получения дополнительных доходов за счет приезжающих за покупками украинцев [Зотова, Себенцов, 2015]. Неформальные, родственные и

¹ Agamben G. La medicina come religione / Quodlibet.it. – 2020. – 2 мая. – Режим доступа: <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-la-medicina-come-religione> (дата посещения: 28.05.2022).

коммерческие связи активно поощрялись венгерской стороной и находили выражение в государственных образовательных и культурных программах поддержки соотечественников, проживающих за рубежом. Венгрия и Польша практиковали выдачу карт венгра и поляка, подтверждающих принадлежность к соответствующему народу и предоставляющих владельцам ряд привилегий и прав, в том числе на работу.

Но и эти режимы оказываются крайне динамичными и волатильными, так как зависят от характера отношений между странами и геополитической обстановки в целом. В 2016 г. по инициативе польской стороны действие режима МПП между северо-восточными воеводствами Польши и Калининградской областью было прекращено. Хотя в течение нескольких лет многие польские политики, в том числе представители партии «Гражданская платформа», лоббировали в Сейме его возобновление, ссылаясь в том числе на привлечение дополнительно в регион 286 млн злотых¹, он так и не был восстановлен. В 2017 г. режимы МПП на границе между Украиной и странами ЕС утратили актуальность в связи с либерализацией визового режима.

Большую социальную значимость нередко имеют преференциальные границы, устанавливающие экономические и иные привилегии для жителей и субъектов хозяйственной деятельности на определенной территории. Еще в советское время были установлены границы Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Помимо географического положения, в ее основе были использованы критерии географического положения: плотность населения, климатические показатели, уровень развития производственной и социальной инфраструктуры, затраты труда на единицу продукции [Славин, 1980]. С 1990-х годов границы этой зоны неоднократно пересматривались в целях привлечения населения в условиях сильной депопуляции и под давлением региональных властей.

Для решения сходных задач устанавливаются границы других преференциальных территорий, например, федеральных и региональных особых экономических зон (ОЭЗ), территорий опере-

¹ *Soroka W.* Platforma domaga sie przywrocenia malego ruchu granicznego z obw-kaliningradzkim // *Kresy.pl*. – 2016. – 08.08. – Mode of access: <https://kresy.pl/wydarzenia/platforma-domaga-sie-przywrocenia-malego-ruchu-granicznego-z-obw-kaliningradzkim/> (accessed: 28.05.2022).

жающего социально-экономического развития (ТОСЭР, или ТОР). Как правило, они используются для привлечения инвестиций благодаря налоговым и (в некоторых случаях) таможенным льготам, созданию инженерной инфраструктуры и бесконкурсной процедуре получения земельного участка в аренду или собственность. Эти границы также отличаются большой динамичностью. С 2005 по 2020 г. число преференциальных территорий выросло с 6 до 125, но при этом некоторые территории были переведены из одной категории в другую, а другие ликвидированы.

Одним из видов служебных округов можно считать избирательные округа, границы которых регулярно меняются вслед за изменением численности избирателей или населения, а иногда и изменением избирательной системы, что дает возможность правящим силам обеспечивать свои политические интересы. Классический способ манипуляций – джерримендеринг, т.е. выделение с помощью извилистых, вычурных границ округов, в которых обычно правящая или – гораздо реже – оппозиционная партия или ее кандидат располагают заведомым большинством. В российской политической практике на федеральном уровне части крупных городов объединяются с прилегающими сельскими районами, что дает преимущество правящей партии. Частое изменение границ избирательных округов затрудняет выстраивание партиями и независимыми кандидатами долгосрочных избирательных стратегий. После объединения городов и районов в городские округа во многих регионах, как правило, крупногородских (например, Пермском крае, Свердловской области, Иркутской области, Красноярском крае, Москве и др.)¹, были внедрены новые схемы нарезки избирательных участков с целью борьбы с сильными оппозиционными игроками и зачисткой конкурентного политического поля [Черенев, 2017]. В то же время в Балтийском муниципальном районе Калининградской области в 2015 г. на выборах Законодательного собрания была введена сеть одномандатных округов в виде длинных полос, отвечающая интересам местной группы бизнесменов, которые противостояли региональной власти и смогли одержать победу на местных выборах².

¹ Молодой пермский губернатор занялся джерримендерингом // Клуб регионов. – 2018. – 17 апреля. – Режим доступа: <http://club-rf.ru/59/detail/2433> (дата посещения: 29.05.2022).

² Отчет проекта «Гражданин Наблюдатель» о наблюдении на выборах в Балтийском районе Калининградской области в мае 2015 г. – Б. г. – Режим досту-

Заключение

Границы разного уровня и типов – неотъемлемый элемент жизни общества. Их протяженность, плотность, разнообразие типов, функций и режимов постоянно увеличиваются, во-первых вследствие фрагментации мирового политического пространства, роста числа и дробления политий, во-вторых – дальнейшего передела акватории Мирового океана, в том числе в результате формирования искусственных островов. Возрастает в последние десятилетия и социальная значимость разного рода границ, вызванная усложнением политической карты мира, процессами интеграции и регионализации на меж- и внутригосударственном уровне. Конфигурация, функции и режим границ, асимметрия трансграничных потоков – одновременно и зеркало, и фактор мощи сопредельных государств и регионов.

Ускорение трансформации общества в конце XX – начале XXI в. вызывает необходимость постоянной адаптации территориально-политической организации, в том числе и системы границ, к воздействиям разного масштаба. Крупнейшим вызовом безопасности и национальной идентичности для многих стран является неконтролируемая международная миграция, важным средством борьбы с которой стали «мобильные границы» и возведение вдоль линии границ физических барьеров. Их статус, режим и функции на всех территориальных уровнях все более изменчивы. В результате фрагментации мирового политического пространства меняется и конфигурация границ. Контурные некоторых де-факто существующих и весьма политически значимых рубежей между легитимными с точки зрения международного сообщества политиями и отколовшимися от них непризнанными государствами и неконтролируемыми территориями становятся менее четкими. Они часто изменяются в зависимости от соотношения между различными политическими силами, хода трансформации территориальных идентичностей. В подобных случаях нередко образуются широкие периферийные, маргинальные зоны. Для их жителей характерны гибридные и волатильные идентичности. Все большую роль приобретают сетевые трансграничные структуры.

Повсюду в мире возникают новые виды границ, в том числе служебных округов и преференциальных зон, используемые как инструмент регулирования социальных и политических процессов, разрешения противоречий и конфликтов, обозначения и сохранения различий между территориями. Исторический опыт показывает, что даже сравнительно кратковременное существование политических границ оставляет существенный след в коллективном политическом сознании и идентичности населения и порождает в них различия по разные стороны границы.

V.A. Kolosov, M.V. Zotova *
Fragmentation of political space
and dynamism of the modern border system¹

Abstract. The forms, political and other factors of the dynamism of spatial boundaries are considered in the light of modern approaches in border studies. One of borders' paradoxes lies in their inertia and at the same time high and increasing dynamism. It led to the creation of the concept of *bordering*, that is, the constant change in the functions and regime of borders, their significance for public opinion under the influence of political institutions, the practice of cross-border interactions and the international political and economic situation. The dynamism of the system of borders is determined by the increase in their number and length, reflecting the fragmentation of the world political space at all levels, the growing diversity of types of modern polities and the differences between them. In particular, the number of small states and, accordingly, the number of pairs of state borders are multiplied. The limited niche that small countries are forced to occupy in the international division of labor, as a rule, requires a specific regime (high openness) of borders and the delegation of part of sovereignty to other political actors. Large differences between polities, different ratios of kinds and the level of sovereignty results in the diversity and variability of the functional types of borders. Multilevel processes of integration and regionalization provoke an active redistribution of functions between state and other borders. Border issues are inseparable from the increasingly dynamic evolution of territorial identities, in particular, under the

* **Kolosov Vladimir**, Institute of Geography of Russian Academy of Science (Moscow, Russia), e-mail: kolosov@igras.ru; **Zotova Maria**, Institute of Geography of Russian Academy of Science (Moscow, Russia), e-mail: zotova@igras.ru

¹ This study was carried out at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences as part of the work on the project "Effects and Functions of Borders in the Spatial Organization of Russian Society: Country, Region, Municipality", supported by the Russian Science Foundation (N 22-17-00263). Analysis of the role of boundaries as an instrument was prepared with partial support of the State Assignment IGRAS №AAAA-A19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008).

influence of international migration. Finally, the dynamism of borders is associated with their use as a tool for managing social and political processes. The configuration, functions and regime of borders, the asymmetry of cross-border flows are both a mirror and a factor of power of neighboring states and regions.

Keywords: policy; political science; theory; methodology; state; society.

For citation: Kolosov V.A. and Zotova M.V. Fragmentation of political space and dynamism of the modern border system. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 67–89. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.03>

References

- Agnew J. *Globalization and sovereignty. Beyond the Territorial Trap*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2009, 290 p.
- Amilhat Szary A.-L. *Géopolitique des frontières. Découper la terre, imposer une vision du monde*. Paris: Le Cavalier Bleu, 2020, 206 p.
- Amilhat Szary A.-L., Hamez G. *Frontières*. Paris: Armand Colin, 2020, 324 p.
- Amilhat-Szary A.-L., Girault F. *Borderities and the politics of contemporary mobile borders*. London: Palgrave Macmillan, 2015, 236 p.
- Balibar E. *Politics and the other scene*. Paris: Verso, 2002, 176 p.
- Bissonnette A., Vallet E. (eds). *Borders and border walls. In-security, symbolism, vulnerabilities*. London: Routledge, 2021, 228 p.
- Dembinska M., Campana A. Frozen conflicts and internal dynamics of de facto states: perspectives and directions for research. *International studies review*. 2017, Vol. 19, N 2, P. 254–278. DOI: <https://doi.org/10.1093/isr/vix010>
- Elatnikov A.B. Geographical isomorphisms in geopolitical models. *Regional studies*. 2016, N 2 (52), P. 12–20. (In Russ.)
- Elden S. Rethinking governmentality. *Political geography*. 2007, Vol. 26, N 1, P. 29–33. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2006.08.001>
- Fetisov A.S. Tikunov V.S. Typology of the countries of the world as a fuzzy set. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*. 1996, N 2, P. 46–52.
- Florea A. De facto states in international politics (1945–2011): A new data set. *International interactions*. 2014, Vol. 40, N 5, P. 788–811. DOI: <https://doi.org/10.1080/03050629.2014.915543>
- Gumenyuk I.S., Kuznetsova T. Yu., Osmolovskaya L.G. Local border traffic as an efficient tool for developing cross-border cooperation. *Baltiyskiy region*. 2016, Vol. 8, N 1, P. 97–117. DOI: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-6> (In Russ.)
- Ilyin M.V. The formula of statehood. *Politiya*. 2008, N 3 (50), P. 67–78. (In Russ.)
- Karpenko M.S., Kolosov V.A., Sebentsov A.B. Transformation of Russia-Kazakhstan border-zone cooperation in the post-soviet period: institutional and economic dimensions. *Problemy natsional'noi strategii*. 2021, N 5, P. 25–40. DOI: https://doi.org/10.52311/2079-3359_2021_5_25 (In Russ.)
- Kolosov V., Scott J. Selected conceptual issues in border studies. *Belgeo*. 2013, N 4, P. 9–21.

- Kolosov V.A. Phantom borders as a phenomenon in political geography. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*. 2017, N 5, P. 3–11. (In Russ.)
- Kolosov V.A. (ed.). *Russian borderlands: neighborhood challenges*. Moscow: IP Matushkina. 2018, 562 p. (In Russ.)
- Kolosov V.A., Zayats D.V. Modern political map of the world. In: *New geographical picture of the world*. Moscow: Russian textbook, 2020, Vol. 1, P. 10–14. (In Russ.)
- Krasner S.D. *Power, the state, and sovereignty: Essays on international relations*. London: Routledge, 2009, 387 p.
- Lieven A. Coronavirus as a mirror: what we see. *Russia in global affairs*. 2020, N 3(103), P. 78–81. (In Russ.)
- Mamedov R.V. State sovereignty: political and legal interpretations. *Bulletin of RUDN Journal of Law*. 2011, N 3, P. 5–11. (In Russ.)
- Newman D. Contemporary research agendas in border studies: an overview. In: Wastl-Newman D. (ed.). *Ashgate research companion to border studies*. Oxford: Ashgate publishers, 2011, P. 33–47.
- Okunev I. Yu. Political and geographical aspects of statehood (analysis of the experience of microstates). *Political Science (RU)*. 2011, N 4, P. 162–174. (In Russ.)
- Paasi A. Border studies reanimated: going beyond the territorial / relational divide. *Environment and Planning*. 2012, Vol. 44, N 10, P. 2303–2309.
- Reference book of names of lands and water resources*. Almaty: Arys, 2009, 568 p.
- Rodoman B.B. *Geographical Borders*. Moscow: Moscow university press, 1982, 369 p. (In Russ.)
- Rosenau J. *The Governance of fragmentation: neither a world republic nor a global interstate system*. 2002. Mode of access: http://aura.u-pec.fr/regimen/_fich/_pdf/pub_002.pdf (accessed: 25.09.2020)
- Scott J.W. (ed.). *A research agenda for border studies*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2020 a, 224 p.
- Scott J.W. Cognitive geographies of bordering: The case of urban neighbourhoods in transition. *Theory & psychology*. 2020 b, P. 1–18.
- Scott J.W. Introduction: bordering, ordering, othering (almost) twenty years on. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2020 c, Vol. 112, P. 2–8.
- Silaeva Z.V., Bolshakov A.G. The phenomenon of «disputed states» in modern world politics: a subject of influence or an instrument of the global game. *Politex*. 2012, Vol. 8, N 3, P. 221–242. (In Russ.)
- Slavin S.V. *Soviet North*. Moscow: Enlightenment, 1972, 174 p. (In Russ.)
- Tcherenev A.A. Political and geographical methods and factors in the formation of electoral districts. *Izvestia of the Irkutsk State University. Series «Political Science. Religious Studies»*. 2017, Vol. 21, P. 126–133. (In Russ.)
- Treivish A.I. *City, country, region*. Moscow: New Chronograph, 2009, 376 p. (In Russ.)
- Turov N.L. «Give Us Liberty, or Give Us Money»: Growth of Regional Parties' Influence in Contemporary Europe. *World economy and international relations*. 2021, Vol. 65, N 6, P. 33–41. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-6-33-41> (In Russ.)

- Zayats D.V. The phenomenon of unrecognized states in the modern world. *Geographical environment and living systems*. 2020, N 1, P. 53–69. (In Russ.)
- Zotova M.V., Sebentsov A.B. Transcarpathian region: cross-border cooperation at the Eastern Margins of the European Union. *Labyrinth. Journal of social and humanitarian research*. 2015, N 5/6, P. 42–55. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Гуменюк И.С., Кузнецова Т.Ю., Осмоловская Л.Г. Местное приграничное передвижение как эффективный инструмент развития приграничного сотрудничества // Балтийский регион. – 2016. – Т. 8, № 1. – С. 97–117. – DOI: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-6>
- Елацков А.Б. Географические изоморфизмы в геополитических моделях // Региональные исследования. – 2016. – № 2 (52). – С. 12–20.
- Заяц Д.В. Феномен непризнанных государств в современном мире // Географическая среда и живые системы. – 2020. – № 1. – С. 53–69.
- Зотова М.В., Себенцов А.Б. Закарпатская область: практика приграничного сотрудничества на восточном пограничье ЕС // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2015. – № 5/6. – С. 42–55.
- Ильин М.В. Формула государственности // Полития. – 2008. – № 3 (50). – С. 67–78.
- Карпенко М.С., Колосов В.А., Себенцов А.Б. Трансформации российско-казахстанского пограничья в постсоветский период: институциональное и экономическое измерения // Проблемы национальной стратегии. – 2021. – № 5 (68). – С. 25–40. – DOI: https://doi.org/10.52311/2079-3359_2021_5_25
- Колосов В.А. Фантомные границы как феномен в политической географии // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2017. – № 5. – С. 3–11.
- Колосов В.А., Заяц Д.В. Современная политическая карта мира // Новая географическая картина мира / под ред. В.А. Колосова, Д.В. Зайца. – М.: Российский учебник, 2020. – Т. 1. – С. 10–14.
- Ливен А. Коронавирус как зеркало: что мы видим? // Россия в глобальной политике. – 2020. – № 3 (103). – С. 78–81.
- Мамедов Р.В. Государственный суверенитет: политико-правовые интерпретации // Вестник РУДН, серия Юридические науки. – 2011. – № 3. – С. 5–11.
- Окунев И.Ю. Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микросоциальных государств) // Политическая наука. – 2011. – № 4. – С. 162–174.
- Родоман Б.Б. Географические границы / под ред. Б.М. Эккеля. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 369 с.
- Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В.А. Колосова. – М.: ИП Матушкина. – 2018. – 562 с.
- Силаева З.В., Большаков А.Г. Феномен «спорных государств» в современной мировой политике: субъект влияния или инструмент глобальной игры // Политэкс. – 2012. – Т. 8, № 3. – С. 221–242.
- Славин С.В. Советский север. – М.: Просвещение. 1972. – 174 с.
- Справочник названий земель и водных ресурсов. – Алматы: Арыс, 2009. – 568 с.

Трейвиш А.И. Город, страна, регион. – М.: Новый хронограф, 2009. – 376 с.

Туров Н.Л. «Дайте нам независимость, или дайте нам денег»: усиление влияния региональных партий в современной Европе // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2021. – Т. 65, № 6. – С. 33–41. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-6-33-41>

Фетисов А.С. Тикунов В.С. Типология стран мира как нечеткого множества // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. – 1996. – № 2. – С. 46–52.

Чернев А.А. Политико-географические методы и факторы в формировании избирательных округов // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*. – 2017. – Т. 21. – С. 126–133.